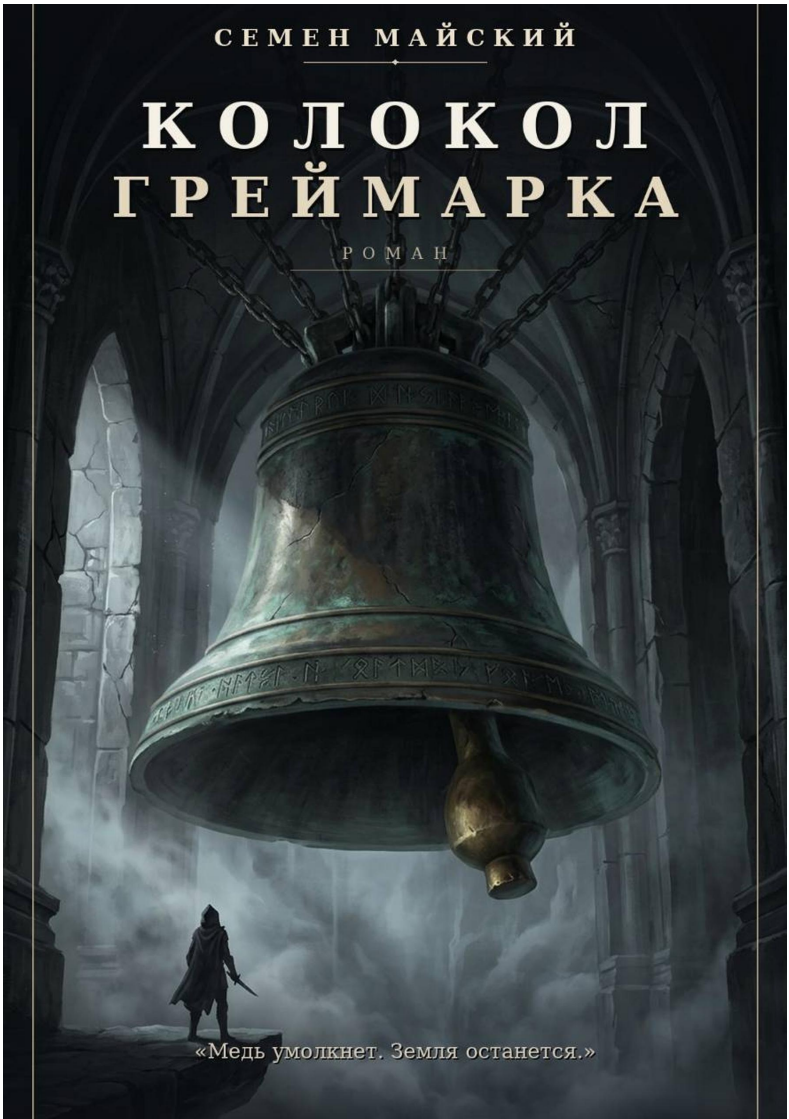
СЕМЕН МАЙСКИЙ

КОЛОКОЛ ГРЕЙМАРКА

РОМАН

«Медь умолкнет. Земля останется.»

Семён Майский
Колокол Греймарка

https://litres.ru/74802458
SelfPub; 2026

Аннотация

На исходе сырой осени на северных границах королевства просыпается то, чему надлежало спать вечно. Древний колокол Греймарка, отлитый из черной метеоритной меди, начинает звонить сам по себе. Его неслышимый ухом утробный гул выворачивает кости, сводит с ума гарнизон и открывает трещины в базальтовом кряже. Чтобы спасти свою шестилетнюю дочь от яда колокольного звона, ветеран-следопыт Тарен Вейл вынужден войти в заблокированную цитадель и спуститься на дно Девятого горизонта — в шахты, где безумный казначей Варрен Коль пытается запечатать чрево земли...

Содержание

Глава 1. Первый удар 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Колокол Греймарка

Медь умолкнет. Земля останется.

Глава 1. Первый удар

ГЛАВА 1: ПЕРВЫЙ УДАР

Дратва пахла топленым бараньим салом и березовым дегтем.

Я прижал костяную колодку шила к ладони, нащупал твердую, как подошва, мозоль у основания большого пальца и с глухим треском вогнал четырехгранное жало сквозь два слоя задубевшей воловьей кожи. Кожа сопротивлялась, скрипела, но поддавалась мерно и послушно, оставляя на подушечках пальцев темный, въедливый след вара. Старый хомут Буяна за зиму совсем раздался по верхнему шву: войлочная подкладка вылезла наружу седыми свалявшимися клочьями, напитавшись соленым конским потом, а сыромятный ремень на левом гуже потрескался еще на весенней пахоте каменистого клина. Если не укрепить его сейчас, до большой ярмарки в предместье, то на первом же крутом подъеме у глинистого оврага постромка лопнет, и груженая телега пойдет юзом под откос. А чинить ось или собирать по кустам рассыпанное зерно обойдется куда дороже, чем полдня возни с костяным шилом и дратвой.

В полдень солнце висело над нашей долиной белым, выцветшим кругляшом. Воздух над широкими каменными плитами двора подрагивал, струился прозрачной зыбью, отчего темная зубчатая громада цитадели Греймарк на дальнем се-

верном хребте казалась нарисованной сажей по выгоревшей на солнце холстине. От нашей межи до подножия ее гранитных утесов было добрых четыре версты по прямой или почти пять, если петлять пыльным трактом мимо заброшенных известковых печей. С такого расстояния цитадель выглядела неподвижной, хищной короной, намертво вросшей в скальные ребра перевала. Ее главная башня — Башня Колокола — тупым четырехугольным столбом упиралась в белесое небо. Я знал каждый выступ на ее северном бастионе, каждую узкую амбразуру в нижнем ярусе, где вечно свистел сквозняк и тянуло сырой оружейной смазкой. Восемь лет я смотрел на эти камни снизу вверх, когда носил серый офицерский колет роты разведки лорда Эдрика Роуэна, но теперь они были просто чужой стеной на краю моего поля. Стеной, за которой осталась чужая, вычеркнутая из моей памяти жизнь.

Скрипнула тяжелая сосновая дверь дома. Этот скрип я знал до малейшего изгиба: нижняя кованая петля чуть осела после сырого мая, и широкая плаха порога отзывалась глухим деревянным стоном.

Вместе со скрипом из полумрака сеней во двор хлынуло горячее, кисловатое облако. Запах свежеиспеченного ржаного хлеба — тяжелый, сытный дух настоявшейся закваски, подпеченной на золе корочки и сухого дикого хмеля. У меня мгновенно свело челюсти, под языком набралась слюна. За все долгие годы пограничной войны, когда мы неделями жевали серые сухари, зеленые от плесени и воняющие бо-

лотной прелью, я так и не смог привыкнуть к простому крестьянскому чуду: хлеб может пахнуть домом и покоем, а не грязным брезентом солдатского сидора.

Мара вышла на верхнюю ступень крыльца, щурясь от полуденного зноя. Ее руки до самых локтей были покрыты белым налетом ржаной муки, а на правом виске, прямо у кромки светлых волос, темнело серое пятнышко сажи от печной заслонки. Домотканый фартук из грубого льна был перехвачен на талии узким плетеным шнурком. Она постояла мгновение, втягивая сухой полуденный воздух, и опустила взгляд на меня.

— Опять мучаешь старую сбрую, Тарен? — спросила она, вытирая тыльной стороной ладони взмокший лоб. Голос у нее был низкий, грудной, привыкший к простору и ветру. — Я же говорила тебе на прошлой седмице: отдай кузнецу в Нижнем Посаде. У него пробойник и железные заклепки, пока трубку куришь, стянет намертво.

— Кузнец сдерет три медных гроша за пару заклепок, а железо на первом же каменистом броду перетрет сыромятный ремень, — не поднимая головы, ответил я, протягивая вощеную нить сквозь прокол. Нить натянулась со звонким сухим хрустом. — Сапожный шов в два перехлеста с дегтем держит крепче любой кузнечной клепки. Сам шил — сам знаю, где натянет, а где ослабнет. Буян дурной тяжестью прет, когда воз в гору идет. Дернет плечом в колее — и поминай как звали твое железо. Пополам перекусит.

— Упрямый ты человек, Вейл. Как был упрямым в своем дозоре, так и в огород это тащишь, — вздохнула она, но в ее серых глазах не было упрека. Только та спокойная, терпеливая усталость, которая приходит к женщине после трех часов у раскаленного чела печи.

Она спустилась на две ступени, держа деревянную лопату, на которой остывал круглый, тяжелый, еще дышащий жаром подовый каравай.

— До субботней ярмарки три дня осталось, — напомнила Мара, присаживаясь на край чисто выметенной ступени и подбирая подол. — Если соберешься на рассвете, надо бы тележную ось глянуть. Скрипит с самого покоса, как несмазанная телега обозников. И соли надо взять не меньше двух пудов. Каменной, серой, крупного помола. В октябре кабана колоть, а в погребе на дне кадки один сухой налет остался. Капусту без соли не заквасишь.

— Возьмем два пуда, — кивнул я, вонзая шило в новый намеченный рубец. — И дегтя малую бочку у смолокуров перехвачу. Если останется серебро после уплаты мыта, посмотрю тебе отрез синей предгорной шерсти на теплый платок.

— На платок обойдусь, старый еще не сносился, — отмахнулась она, хотя я заметил, как дрогнули уголки ее губ. — Лучше Эльси новые сапожки справь. Из старых у нее большой палец наружу лезет, в лес по бруснику выйти не в чем, одни портянки мочить.

Эльси сидела тут же, в четырех шагах от меня, на широкой песчаниковой плите, служившей завалинкой у южного сруба дома. Камень за утро напитался солнцем так, что сквозь холщовую рубашонку грел ей спину и ноги. Ей было ровно шесть лет — худенькая, угловатая девочка с острыми ключицами и светлыми волосами, которые Мара каждое утро заплетала в две тугие косички, но к полудню из них всегда выбивались непослушные соломенные пряди.

Она сидела, поджав босые, перепачканные дорожной пылью пятки, и была целиком поглощена своим маленьким, важным делом. На ровной поверхности плиты она выстраивала из сосновых чешуек, сухих веточек и речной гальки загон для деревянной лисы.

Фигурка была неуклюжей, но крепкой, срубленной из плотного комля горной рябины. Правое ухо у лисы было начисто сколото наискось — нож мастера сорвался на витом древесном узле.

Эту лисицу прошлой осенью вырезал для нее сам лорд Эдрик Роуэн.

Я помнил тот пасмурный октябрьский вечер до малейшей черточки. Лорд приехал на нашу заимку без конвоя, взяв с собой лишь старого оруженосца, и пустил коней шагом по овсяному жнивью. На нем был простой дорожный плащ из грубого зеленого сукна без золоченого шитья и родовых блях, а на высоких походных сапогах налипла та же рыжая глина, что и на моих поршнях. Он вошел в наш двор — высо-

кий, широкоплечий, со своей неизменной седеющей клиновидной бородой и глубоким белесым шрамом между бровей, следом от наконечника стрелы, принятого еще при штурме Белого Уступа. Эльси тогда испугалась его чужого, командного голоса и спряталась за мои колени, вцепившись пальцами в холстину штанов. А лорд Эдрик молча опустился перед ней на одно колено прямо в пыль, не глядя на чистоту сукна, достал из-за пояса кривой охотничий ножик с костяной колодкой, поднял с земли рябиновый обрезок у поленницы и за четверть часа обтесал этого зверька. Когда лезвие сорвалось на мерзлом сучке и срубило ухо, Эдрик лишь глухо хмыкнул в усы:

«Вот и ладно. Лисица боевая получилась, ухо в терновнике оставила. Прямо как твой батька на перевале Топкого Брода, кроха. Тот тоже упрямился и назад ползти не желал».

Эльси тогда робко протянула ручонку, взяла теплую, еще пахнущую свежей стружкой деревяшку, прижала ее к груди и с тех пор засыпала только с ней под боком.

— Папа, а лисы едят репу? — спросила она вдруг, не отрывая взгляда от камня. Ее тонкий палец осторожно подвинул сухой прошлогодний желудь к деревянной мордочке.

— Лисы едят мышей, куропаток и перепелиные яйца, если найдут гнездо в траве, — ответил я, с усилием вытягивая шило из толстого шва. Вощеная нить обожгла кожу на пальце. — Сырую репу они есть не станут. Разве что в самую голодную зиму, да и то вряд ли.

— А эта ест, — уверенно произнесла Эльси. — Потому что она не простая лисица из оврага. Сегодня ее зовут Медвежье Ушко. Вчера она была Слюдяной Лапкой, а сегодня — Медвежье Ушко. Она караулит под плитой сухие листья, чтобы медведки их не утащили к себе в нору.

Мара на крыльце негромко улыбнулась, отломила краюху от теплого каравая и протянула дочке:

— Держи, сторож. Покорми свое Медвежье Ушко, да и сама пожуй, пока корка хрустит.

Девочка с важным, сосредоточенным видом приняла хлеб, отщипнула крошечный серый комочек мякиша, положила перед носом деревянной зверушки, а остальное сунула в рот, довольно жмурясь на яркое солнце.

Я смотрел на них, и под ребрами разливалось густое, щемящее тепло — чувство, к которому я за четыре года спокойной крестьянской жизни так и не смог привыкнуть до конца. Иногда мне казалось, что вся эта усадьба — бревенчатый пятистенок, крытый осиновым лемехом, сарай, хлев с тяжеловозом и коровой, колодезный журавель и межа с озимой рожью — просто долгий морок. Что я все еще сплю в промерзшей стрелковой ячейке на северных перевалах, натянув на голову мокрый войлочный плащ, и в любой миг тишину разорвет хриплый медный рожок, поднимающий разведчиков на верную смерть.

Восемь лет пограничной сечи не смываются колодезной водой и не выбиваются из суставов крестьянским трудом.

Они въедаются в кости намертво.

Мое левое плечо помнило тяжесть дубового щита с железной оковкой. Глубокий, кривой рубец под ключицей, где зазубренный наконечник стрелы пробил кольчужное плетение и вошел в мясо на четыре пальца, до сих пор ныл перед затяжными дождями. У Топкого Брода нас прижали к черной речной воде. Горцы перевалов шли валом, сотня за сотней, скатывая по глинистым обрывам горящие бревна в смоле. Мост рухнул в первые полчаса сечи. Вода в реке побурела от крови людей и лошадей. Когда наш сотник захлебнулся собственной сукровицей от удара секиры, именно лорд Эдрик Роуэн встал на осклизлом валуне у переправы, подняв тяжелый полуторный палаш, и держал брод один, пока мы вытаскивали тяжелораненых через камышовую протоку. Он принял на доспех три стрелы, а четвертая рассекла ему предплечье. И когда меня сбило с ног конским копытом и поволокло на перекат, именно Эдрик ухватил меня за ворот кожаного поддоспешника, выдернул из ледяной стремнины и тащил на себе две версты по чавкающему верховому болоту, пока за нашими спинами догорали последние повозки обоза.

После той кампании он мог бы оставить меня при гарнизоне Греймарка — сотником внутренних ворот, десятником в арсенале или смотрителем складов. Но когда в столице подписали мирный трактат и на перевалы легли первые пограничные засеки, Эдрик позвал меня в свой малый сводчатый покой, налил кислого верескового эля в оловянную кружку

и бросил на дубовый стол свиток с красной сургучной печатью:

«Ты отдал этой земле слишком много крови, Тарен. Твои руки созданы для плуга и хлеба, а не для железа. Забирай землю на южном склоне, ставь сруб и забудь про чужую войну. Если придет беда — я знаю, где тебя найти».

И я послушал его. Я вгрызся в эту землю зубами. Я выкорчевал три десятка дубовых пней на пустоши, распахал заросшую бурьяном целину, заложил этот дом из смолистых сосновых бревен, срубленных в правильную луну. Я взял в жены Мару — спокойную, молчаливую сироту из разоренного войной обозного посада, знающую цену куску хлеба и теплой печи. И когда она родила мне Эльси, я впервые за десять лет заплакал ночью, глядя в маленькое оконце на мерно вздымающуюся грудь девочки, и подумал, что кошмар отпустил меня навсегда.

Я свято верил в это. Каждой мозолью на ладонях, каждым снопом овса на гумне я доказывал себе, что война кончилась. Что мои руки теперь держат костяное шило, деревянную лопату и постромку, а не тяжелое ратное железо.

Кошмар был заперт там, на севере, за высокими зубчатыми бастионами Греймарка. А здесь был мой дом, мой хлеб и моя земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.